

основным звеном судебной системы. При сельсоветах организовывались примирительные камеры в целях приближения суда к населению и упрощения порядка разбора мелких бытовых дел. С целью укрепления своего влияния на крестьянство советская судебная система выражала определенное стремление к дифференциации наказаний, смягчению репрессий. Проводилась линия на приближение практической судебной работы к населению, организовывались показательные процессы, что, по словам автора, способствовало положительному изменению повседневной жизни крестьянства Западного региона. Но несмотря на коренные преобразования в обществе, сохранялись многие широко распространенные до революции явления, прежде всего самосуды.

С.В. Беспалов

3013.03.011. ЛОР Э. РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ: КАМПАНИЯ ПРОТИВ «ВРАЖЕСКИХ ПОДДАННЫХ» В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ / Пер. с англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 304 с.

Ключевые слова: Российская империя; Первая мировая война; русский национализм.

Книга американского историка Эрика Лора посвящена притеснительной и карательной политике царской власти во время войны в отношении подданных враждебных государств и тех российских подданных, которые были сочтены неблагонадежными в силу своей национальности или этнического происхождения. Монография включает введение («От империи к национализирующемуся государству»), пять глав («Националистические вызовы, имперские дилеммы»; «Московские беспорядки и другие народные волнения»; «Национализм в торговле и промышленности»; «“Национализация” землевладения»; «Великое выселение народов») и заключения.

Автор считает, что ключевым аспектом первой для России тотально-мобилизационной войны явилась масштабная кампания, направленная против определенных меньшинств, вдруг ставших для правящего режима и общества опасными внутренними врагами. Она была изначально нацелена на «неприятельских подданных», определяемых международным правом как граждан враже-

ских государств в военное время. Эта сравнительно узкая, однако экономически и социально значимая для России категория подверглась в период войны высылкам, интернированию и конфискациям собственности. Россия не была единственной страной, принимавшей меры против подданных враждебных государств. Практически все государства интернировали вражеских подданных на своей территории и вводили для них всесторонние, хотя и временные ограничения на пользование имуществом и свободу экономической деятельности. Проблема вражеских подданных стала важнейшей частью отхода от интернационалистических тенденций предвоенной эпохи. Это особенно верно для континентальных империй.

В России официальные санкции и общественная кампания затрагивали не только иностранных граждан, но и натурализованных иммигрантов и российских подданных. Результатом общественно-государственной кампании стали: «...вынужденное переселение приблизительно 1 млн. гражданских лиц, национализация весьма значительной части имперской экономики, а также переход обширных земельных владений и городской недвижимости из рук вражеских подданных к другим влиятельным группам населения» (с. 9). Автор подчеркивает, что его работа «в большей степени исследует административные процедуры, чем конкретные национальные меньшинства, и стремится доказать, что сам процесс практического применения всевозможных ограничений и репрессий фактически укреплял национальные различия, делая их все значительнее» (с. 13). Он концентрирует свое внимание «на беспрецедентной мобилизации экономики, а также этнических и политических общностях, составляющих воюющую нацию» (с. 19).

Э. Лор пишет, что если в начале войны правительство стремилось «к единению с народом» и одобряло патриотические манифестации, то далее стало очевидным, что оно «не желало направлять или поощрять подобные акции, если они превращались в беспорядки и погромы» (с. 27). Но позиция военных была иной. Уже в сентябре ряд инцидентов показал, что командование всех уровней поощряет участие солдат в погромах, грабежах и насилии над гражданским населением в прифронтовой полосе. Провоцирующая роль армии распространялась на всю империю (насильственные выселения, антишпионские кампании, секвестрование и конфискация имущества). Армия играла такую роль во многом благодаря

закону, принятому в первый день войны, который предоставлял военным властям широкие полномочия во всех районах, находящихся на военном положении. Вдохновителем многих кампаний против шпионов и вражеских подданных был начальник штаба Ставки Н.Н. Янушкевич. Шпиономания быстро охватила все общество и вызвала «девятый вал» статей в периодике. Слухи и рассказы об измене стали «основной чертой российского политического пейзажа» (с. 31). Постоянно муссировалась тема о «немецком засилье», о «внутренних врагах». Автор рассматривает националистические программы правых и либералов, националистические вызовы экономике. События в мае 1915 г. в Москве показали, насколько изменчивой и дестабилизирующей может стать «патриотическая» кампания против вражеских подданных, наглядно продемонстрировав «опасность сползания имперского государства в хаос неудержимого межнационального и классового насилия» (с. 65). Некоторые чиновники правильно понимали проблему и убеждали остановить кампанию против подданных враждебных государств, но большинство протестующих к осени 1915 г. были смещены со значимых постов в правительстве и заменены чиновниками, поддерживающими всеобъемлющую репрессивно-ограничительную политику.

Старый режим сам подрывал основы, защищавшие частную собственность и правопорядок, способствовал обострению социальной напряженности на уровне классовых и национальных отношений, «хотя стремился лишь к тому, чтобы в военное время создать российскую национальную экономику» (с. 67). Секвестр и конфискация стали инструментами, широко применяемыми для реорганизации национальной экономики. Со стороны царского режима это была лишь часть общего радикального поворота в сторону национализации экономики. Министр внутренних дел А.Н. Хвостов являлся одним из главных сторонников борьбы с «немецким засильем» и добивался распространения этой борьбы на сферу крупной торговли и промышленности.

«Национализация землевладения» – конфискация земельной собственности и передача ее представителям привилегированных национальностей – «имели ряд серьезных непредвиденных последствий для экономики, стабильности и легитимности частной собственности в деревне» (с. 101). К лету 1916 г. в большинстве губер-

ний земельные имущества вражеских подданных были конфискованы. Но они владели сравнительно небольшой долей земли, намеченной для экспроприации (2906 участков общей площадью 296 356 дес.). Экспроприация земель русских враждебных подданных в крупных масштабах практически не начиналась до конца 1916 г. В первые два месяца 1917 г. конфискации проводились с нарастающей скоростью. Царский режим объявил о предстоящей конфискации более 6 млн. десятин у полумиллиона своих подданных (с. 142).

По мнению автора, из всех практик, составляющих идеологию «национализирующегося государства», насильственное переселение – едва ли не самая драматичная. Примерно половина из 600 тыс. вражеских подданных, зарегистрированных в качестве постоянно проживавших на территории Российской империи, в 1914 г. были высланы, затем интернированы в лагеря или получили предписание поселиться в особо оговоренных местах под надзором полиции на время войны (с. 151). Первые мероприятия по выселению и интернированию вражеских подданных стали прелюдией к массовой депортации, и в течение следующих месяцев началось применение аналогичной меры к представителям меньшинств, давно находившихся в российском подданстве, но при этом многие члены привилегированных меньшинств получили возможность избежать выселения. Репрессивные меры наносили огромный ущерб местной экономике, вызывали перебои в работе железнодорожного транспорта, что в свою очередь порождало хаос и дороговизну во внутренних губерниях, вынужденных справляться с наплывом выселенцев. К концу 1915 г. выселение пошло на убыль, однако окончательно оно не прекратилось; это было скорее не изменение тактики, а результат стабилизации положения на фронте. Серьезная напряженность отношений возникала между высланными и местными жителями, которые обвиняли выселенцев в том, что они способствуют росту цен и создают конкуренцию местным предпринимателям. Последствием насильственного переселения стало и проявление «нового, более сильного чувства национального единения среди пострадавших категорий населения» (с. 183).

Автор считает, что выбор, сделанный старым режимом в пользу масштабной шовинистической кампании против вражеских подданных, может отчасти рассматриваться как попытка получить

массовую народную поддержку с целью превратить имперское государство в более «национальное» и мобилизовать все силы для продолжения войны до полной победы. Эта попытка провалилась по ряду причин. Кампания не могла удовлетворить многих ее активных сторонников из-за довольно мягкого отношения к прибалтийским немцам и ряда льгот, имевшихся у представителей придворной и бюрократической элиты, многие из которых носили немецкие и другие иностранные фамилии. «Не только более 15% офицерского корпуса носили немецкие фамилии, но все ведущие отрасли управления, бюрократическая и экономическая элита были заполнены лицами нерусского, в частности немецкого происхождения. Например, около 30% членов Государственного совета и более половины чинов императорского двора были носителями изначально немецких фамилий» (с. 196). Хотя кампания против вражеских подданных привела к удалению из «образованного общества» некоторых из наиболее заметных «немцев», большинство из них сохранило свои посты, постепенно становясь центральным объектом все нарастающего всеобщего недовольства. К началу 1917 г. жандармские отчеты отмечали широкое распространение среди всех слоев населения слухов о том, что измена пышным цветом расцвела среди имперской элиты.

Однако, пишет автор, «общественное брожение нельзя объяснить просто ксенофобией или шпиономанией. Многие из повернувшихся против старого режима представителей самых различных политических партий и объединений делали это во имя патриотизма» (с. 197). Правые сетовали на нежелание правительства более решительно бороться с вражескими подданными внутри страны, поскольку считали бюрократию неспособной принять истинно русские национальные идеи. Шовинистическая кампания, воспринимавшаяся в начале войны как путь единения правительства с народом в совместном излиянии патриотического негодования против внутренних и внешних врагов, стала яблоком раздора между правительством и его самопровозглашенными крайне патриотическими сторонниками.

Данная ситуация также способствовала переходу либералов и более умеренных политиков от патриотической поддержки правительства к патриотической оппозиции. Широкая коалиция фракций и отдельных депутатов Думы в середине 1915 г. сформировала

Прогрессивный блок, который стал центром единой оппозиции, согласившейся, что старый режим должен быть уничтожен с целью создания действительно единого сообщества граждан и патриотического подъема для победы над внешним врагом.

Опыт участия в Первой мировой войне означал резкий перелом в истории народов, находившихся в составе Российской империи. Если в предвоенные десятилетия даже самые агрессивные культурно-русификационные практики прежде всего стремились обратить национальные меньшинства в православную веру и ассимилировать их с русской культурой, то война принесла с собой качественные изменения. «Целью ограничительных и репрессивных мер было не ассимилировать отдельных лиц, но национализировать столь крупные “абстракции” как экономика, земля или население» (с. 200).

В значительной степени все это было частью общего расширения военных функций государства в его стремлении контролировать и напрямую управлять населением и экономикой, т.е. процесса, отмеченного в историографии войны для всех воюющих стран и широко признаваемого важнейшим прецедентом для всесторонних притязаний будущего Советского государства. Кампания против враждебных меньшинств способствовала укреплению многонационального государства посредством расширения бюрократического контроля над населением, ужесточения полицейского и государственного надзора за иностранцами и иммигрантами, создания штата инспекторов, управляющих и ликвидаторов для наблюдения и контроля за акционерными предприятиями и сделками, а также привела к масштабной передаче частных фирм и имуществ государственным учреждениям.

Отчасти правительство и армия применяли столь жесткие и чрезвычайные меры, как массовая высылка и конфискация, потому, что государственная власть была довольно уязвимой и ограниченной в своих возможностях. Это особенно верно для многонациональных западных пограничных областей империи. Как показали московские погромы, способность властей сохранять общественный порядок была сомнительной даже во второй столице империи. Правители России и лидеры шовинистической кампании против вражеских подданных часто исходили в своих действиях из осознания собственной слабости.

Это базовое подсознательное ощущение слабости, полагает Э. Лор, – ключ к пониманию роли российского национализма во время войны. Большинство национальных движений во многом опирается на факт или видимость того, что государство сохраняет социально-экономический порядок, систематически ущемляющий коренную национальную группу. Кампания против враждебных меньшинств показывает, что российские националисты ощущали себя в такой ущемленной ситуации и поэтому разработали программу, бросающую вызов легитимности имперских элит, космополитичной и многонациональной имперской экономике и даже непосредственно имперской государственной структуре. «Эта кампания с ее освободительным экономико-националистическим содержанием представляла собой, возможно, самую динамичную и внятную демонстрацию активности российского национализма в позднеимперский период» (с. 201).

В этом отношении, отмечает автор, Османская империя представляется самым близким к российскому варианту государством для сравнительного анализа. В обоих случаях имперский режим (время от времени неохотно реагировавший на общественное давление) избирал радикальную экономическую националистическую мобилизацию против иностранных и успешных ассимилироваться коммерческих диаспор. В обоих случаях столь активно проводимая мобилизация подрывала общественный порядок, обостряла межнациональные конфликты и способствовала падению старых режимов.

В.М. Шевырин

2013.03.012. АСТАШОВ А.Б. ПРОПАГАНДА НА РУССКОМ ФРОНТЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. – М.: Спецкнига, 2012. – 400 с.

Ключевые слова: Первая мировая война; Восточный фронт; идеологическое противоборство; пропаганда.

В монографии кандидата исторических наук, доцента кафедры истории России Нового времени РГГУ А.Б. Асташова освещается практически не затронутая в отечественной истории тема пропаганды на Русском (Восточном) фронте Первой мировой войны.